
*КРАВЧЕНКО Альберт Иванович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН. Постоянный автор нашего журнала.*

В отечественной литературе Р. Миллсу посвящены специальные работы (И.А. Голосенко, Н.В. Новиков, Е.Д. Модржинская, Л.А. Цыпник), главной темой которых является его критика «буржуазной социологии» и капиталистического общества [1]. Американский социолог А. Кассоф замечает в связи с этим, что Р. Миллсу в советской историографии, по сравнению с другими американцами, повезло: в нем видели мужественного борца с буржуазными ценностями и защитника прогрессивных идеалов [2], в то время как остальные западные социологи подвергались беспощадному идеологическому линчеванию. Особняком стоит фундаментальная работа В.Ф. Коровина "Основные проблемы "новой социологии" Райта Миллса» [3], где автор стремится избежать вульгарных политических оценок и дать всесторонний анализ творчества выдающегося классика мировой социологии. Однако и В.Ф. Коровин не избежал свойственной эпохе застоя односторонности.

В 80—90-е годы интерес к творчеству Р. Миллса заметно ослабел. За последнее время не появилось сколько-нибудь серьезных работ о нем, причем не только в России, но и за рубежом [4]. Согласимся с мнением В.Ф. Коровина: очень многие идеи Миллса остались вне поля зрения исследователей. Больше всего не посчастливилось методологическим проблемам его социологии [3, с. 11], хотя известно, что именно методология, а не теория общества представляют сильную сторону творческого наследия Миллса. В статье предпринимается попытка восполнить этот пробел. Автор сосредоточил внимание прежде всего на методолого-методических проблемах.

Наряду с Т. Парсонсом и Р. Мертонем, Р. Миллса относят к классикам мировой социологии. В послевоенное время он являлся самым читаемым социологом в мире. И хотя его часто называли социальным философом и идеологом от социологии, труды Миллса воплотили в себе идеал настоящей социологии, восходящей к работам Вебера и Дюркгейма. Обаяние его идей ощущали представители многих поколений. Не случайно на лекции в Америке и Польше приходило столько народа, сколько не ходило на выступления, известных проповедников, а по частоте цитирования он не уступал Парсонсу и Мертону.

Творческая эволюция

Чарльз Райт Миллс (1916—1962) родился в самом американском штате — Техасе и умер в самом расцвете сил — 45-и лет. Его семья, принадлежавшая к среднему классу, вела свою родословную от ирландцев и англичан. Р. Миллс, закончив школу, хотел выучиться на инженера, но вскоре его увлекли иные проблемы. Он поступил в Техасский университет, где в 1939 г. получил степень магистра по философии и социологии. В 1941 г., работая в Висконсинском университете под руководством Говарда Беккера, Миллс пишет диссертацию «Социологическое значение прагматизма» и получает докторскую степень по социологии и антропологии. Кроме науки, Миллс проявлял огромный интерес к

архитектуре и промышленному дизайну. Он был экспертом по жилищному строительству, работал фермером, фотографом, плотником.

Миллс прославился не только как социолог, но и как публицист. За свою недолгую жизнь он успел написать немало книг, главные из которых: «Малый бизнес и гражданская война» (1958), «Новые люди власти» (1948), «Белые воротнички» (1951), «Характер социальной структуры» (1953, в соавт.), «Причины III мировой войны» (1958), «Социологическое воображение» (1959), «Властвующая элита» (1956; издана на русск. в 1959), «Марксисты» (1962) и др. [5].

В творческой эволюции Р. Миллса выделяют три этапа [3, с. 5—8]. Первый (1939—1945) отмечен увлечением прагматизмом. Миллс считал, что философские установки прагматизма могут указать правильный путь для решения социологических проблем. После переезда Миллса в Колумбийский университет начинается второй этап (1946—1955) его деятельности — период интенсивных эмпирических исследований. Несколько лет он трудится в бюро прикладных исследований у знаменитого Дж. Ландберга. За плечами у Миллса огромный опыт полевой работы: только в штате Нью-Йорк он изучил около 30 городов. Миллс очень тщательно отбирал эмпирический материал и повсюду стремился побывать сам. Его книги «Малый бизнес и гражданская война» и «Белые воротнички» до сих пор служат образцом того, как надо обрабатывать эмпирический материал. Третий, критический этап (1956—1962) отмечен увлечением марксистской философией, критикой абстрактного эмпиризма, выступлениями против политической реакции и милитаризма. Основные труды этого периода — «Властвующая элита», «Социологическое воображение».

Друг и сподвижник Миллса Ирвинг Горовиц сообщает, что в конце жизни у того возник замысел подготовить шести- или девяти томный труд под названием «Сравнительная социология», где Миллс намеревался обстоятельно рассмотреть социальную структуру всех современных обществ. По замыслу первый том должен был содержать статистический и систематический анализ тенденций развития религий в каждом регионе мира. Другой том посвящался социологическому изучению четырех мировых эпох: античности, средневековья, индустриальной и постиндустриальной. К сожалению, Миллс оставил только общие наброски (пролегомены) того, что он называл своим главным трудом, призванным поднять социальную теорию до уровня подлинной науки [6, р. 40—44].

Многие видели в Р. Миллсе безусловного лидера социологов 50-х годов. Его интеллектуальный авторитет был столь же непрекращаемым, сколь дискуссионным; спорным и сомнительным он казался многим, в том числе Т. Парсонсу, Э. Шилзу, Д. Беллу, Т. Боттомуру, С. Липсету, публиковавшим «разгромные» статьи о его теоретическом подходе к обществу. Никто не принимал идеи Миллса однозначно: одни преклонялись перед ним, другие ненавидели. Миллса считали возмутителем спокойствия, казалось бы, в самый спокойный, стабилизационный период американской социологии.

Р. Миллса часто называют современным Вебленом. Так оно и есть. Им обоим свойствен сократовский пафос сомнения и правдоискательства. К Миллсу можно применить слова, сказанные им о Веблене: «Его критицизм по отношению к институтам и персоналиям американского общества покоился на твердом убеждении, что они не способствуют воплощению американских ценностей. Если бы он был, как я в том уверен, сократической фигурой, то его деятельность явилась бы столь же важной для Америки, как деятельность Сократа для Афин» [6, р. 53].

В последние годы своей жизни Миллс превратился в бескомпромиссного критика. Его учение можно подразделить на две части: 1) политический радикализм — критика существующего социального строя, в котором господствуют бюрократия и властвующие элиты; 2) социологический радикализм — критика американской социологии, впавшей в грех абстрактного эмпиризма и спекулятивного философствования". Кроме критической части, включающей два указанных раздела, Миллс разработал конструктивную программу, названную им «новой социологией». Ее пафос — в переустройстве социологии на фундаменте духовных ценностей и в возвращении к «высокой классике».

Манифест радикальной социологии

Книга «Социологическое воображение» занимает особое место в творческой биографии Р. Миллса и в истории современной социологии [7]. В ней автор выносит приговор святым святым американской социологии — эмпирической методологии П. Лазарсфельда и «большой теории» Т. Парсонса. Если и было чем гордиться американским социологам в середине XX века, так это двумя великими достижениями — мощной эмпирической

индустрией, выпускающей каждый месяц десятки и сотни изготовленных по всем требованиям научного метода образцовых исследований, и самой грандиозной теоретической системой в современной социологии, затмившей все созданное до сих пор.

Работа Миллса явилась, быть может, самым сильным вызовом социологическому истеблишменту США, который когда-либо был ему брошен. Написанная ярким публицистическим языком, она содержала аргументы, которые мог выдвинуть только опытный исследователь и проницательный аналитик. Р. Миллс выявил действительные болезни современной социологии, которые назвал «абстрактным эмпиризмом» и «большой теорией».

Абстрактный эмпиризм

К середине XX века американцы, как никто другой, умели на высоком профессиональном уровне проводить эмпирические исследования. Со студенческой скамьи будущих социологов учили отлаженной технологии тщательного составления анкет из стандартных вопросов, определения выборочной совокупности, операционализации понятий, сбора и анализа данных, их группировки в сложные и простые таблицы.

Символом эмпирической индустрии являются опросы общественного мнения. Они достаточно просты по технологии и представляют собой перечень вопросов: кто говорит, что говорит, кому говорит, через какие средства массовой пропаганды и с каким результатом? Правда, нередко они облачаются в сложную терминологию. Так, «мнение» определяется как совокупность обычных высказываний на местные, международные или даже «эфемерные темы», а также установок, чувств, ценностей и иной информации, измеренной при помощи вопросников, интервью, проективной и шкальной техники [7, р. 51]. Все это, считал Миллс, можно выразить гораздо проще, ибо за наукообразными фразами «абстрактных эмпириков» скрывается весьма тривиальный смысл: поскольку мнения принадлежат людям, чтобы провести опрос, надо с ними поговорить. Иногда люди не хотят или не могут выразить своих мыслей, тогда используют проективную и шкальную технику. То, *что* надо изучить, подменяют тем, *как* это надо сделать. Иными словами, проблему сводят к методу.

За примерами далеко ходить не надо. Четырехтомный труд С. Стауффера «Американский солдат» дает меньше ценной информации, нежели односторонняя работа С.Л.А. Маршалла «Люди в огне», основанная на репортажной технике сбора информации. По мнению Миллса, Стауффер здесь не решает серьезных социальных проблем. Досталось от Миллса и изучающим социальные классы. Он не называет имен, но можно догадаться, что речь идет о знаменитых исследованиях Л. Уорнера, проведенных в 30—40-е годы. Уорнер опросил жителей небольших американских городков (самый известный — Янкисити) и, применив метод определения «социально-экономического статуса», установил шесть социальных классов. Миллс заявляет: 1) по сравнению с теорией классов Вебера, это шаг назад; 2) исследования Уорнера проведены не на общенациональной, а на локальной выборке, что не позволяет судить о социальной структуре всего общества. (Надо отметить, что последний аргумент Миллса не оригинален: Уорнера в этом обвиняли многие специалисты.)

Таким образом, стремясь к конкретному изображению реальности, социологи на самом деле удаляются от нее. То, что «абстрактные эмпирики» называют эмпирическими данными, представляет собой весьма абстрактный взгляд на повседневный социальный мир. Обращаясь к живым людям, они каталогизируют их по формальным группам в соответствии с возрастом, полом, доходом, семейным положением.

«Абстрактный эмпиризм» — не особая методология или философия. Он представляет специфический стиль социального исследования, при котором метод считается важнее проблемы, форма — содержания, детали — существа дела. Технология эмпирических исследований, поставленная на индустриальные рельсы, порождает полужнаек или малоквалифицированных техников [7, р. 56]. Все методические премудрости давно разжеваны в учебниках, им остается только штамповать тривиальные результаты по заранее известным шаблонам. Их исследования не индивидуализированы, но не индивидуализирована и их ответственность за качество результатов.

В какой-то степени «абстрактному эмпиризму» открыл дорогу Пауль Лазарфельд, который стал знаменем новой школы. Беда в том, что Лазарфельд дает не содержательное, а методологическое определение социологии: она отличается от других

социальных наук не тем, что изучает специфические проблемы (скажем, социальную структуру или институты общества), а тем, что поставляет для других наук подходящий метод исследования. Социолог — методолог для всех социальных наук. Таким образом, методологическая сторона социологии возводится во главу угла.

Стремясь заменить язык понятий языком переменных, «абстрактные эмпирики» сводят социологические реалии к психологическим величинам [7, р. 63]. Социологическая теория превращается в совокупность терминов, легко поддающихся экспериментальной и статистической интерпретации. Склонность к психологизму оборачивается маломасштабностью проводимых исследований, а значит, неисторичностью и несопоставимостью результатов. Правда, в статьях эмпириков приводится обширный список литературы и содержится множество ссылок. Но не надо обманываться, предупреждает Р. Миллс: они сделаны после того, как собраны данные. Библиография и ссылки указывают на связь конкретного исследования с предыдущими, а также со сложившейся теоретической традицией. Окружить эмпирическое исследование «теорией» и тем самым «придать ему значимость» равносильно тому, чтобы приукрасить его или создать подходящую «легенду». А у постороннего человека складывается впечатление, что исследование, получившее подкрепление в научной традиции, проверяет теоретические гипотезы и концепцию в целом [7, р. 69]. Ничего этого в действительности не существует.

Бюрократический этос

Абстрактный эмпиризм очень быстро бюрократизируется. Эмпирические исследования стоят очень дорого, поэтому их проведение под силу только крупным институтам и центрам, промышленным корпорациям, правительству, армии, газетам, а также фондам. В 20-е годы основным пристанищем для эмпирических исследований служили агентства по маркетингу, в 30-е — корпорации и избирательные агентства, в 40-е — академические центры и исследовательские отделы федерального правительства. Сегодня нет единого институционального учреждения, ответственного за эмпирическую социологию.

В корпорациях, бюро и центрах ученый неизбежно подчиняется бюрократическим правилам. Наука катастрофически бюрократизируется. Ученых все меньше интересует суть проблемы и ее решение, на первое место выдвигается отчетность. Прикладной социолог адресуется уже не к общественности, а к могущественным клиентам.

Р. Миллс прямо указывал, что американская школа представляет собой феодальную систему, где студент выражает лояльность одному профессору, чтобы защититься от другого. Позже А. Гоулднер и И. Горовиц согласились с тем, что Американская социологическая ассоциация превратилась в феодальную империю с разветвленной иерархией чинов.

Научные школы выполняют особую функцию. Они воспитывают своих последователей в духе верности определенным традициям, нормам, принципам. Академический успех и карьера молодого ученого прямо зависят от лояльности и преданности данной школе. Лидеры школы, участвующие в почетных комиссиях, коллегиях и фондах, обеспечивают последователям режим наибольшего благоприятствования и финансирования. По мере того как растет стоимость научных разработок, появляются исследовательские команды, формируется корпоративный дух и ужесточаются меры контроля. Исследовательский институт — это по большей части еще и центр подготовки кадров. Он подбирает молодых ученых определенного типа, вознаграждает их только за определенные достижения. Таких типов два — интеллектуал-администратор и исследователь-покровитель. В научной школе всегда есть поколение основателей, или лидеров, и их последователей. Первые открывают новое, вторые идут проторенным путем. Молодое поколение ученых воспринимает методы, символы, понятия и концепции как нечто священное. Миллс отмечает, что современное ему поколение социологов в Америке наименее творческое и наиболее догматичное, оно строже придерживается методических канонов, раньше начинает специализацию, рассматривает социальное исследование как карьеру, индифферентно к социальной философии. Подготовленные таким образом специалисты создают монографии, фактически переписывая чужие книги. «Слушая их разговоры, пытаюсь понять природу их пытливости, мы обнаруживаем жуткую ограниченность ума» [7, р. 105]. Таковы порождения бюрократического стиля мышления, утвердившегося в американской социологии.

Эмпирики-бюрократы не интересуются оригинальной теорией. Они не теоретизируют, они собирают, измеряют и считают. Чем дороже исследование, тем сильнее зависимость от

спонсора. Но чем меньше автономия науки, тем меньше ее ответственность. Работая на клиента, ученый становится зависимым от бюрократов: клиент (администрация предприятия, местные власти) ждет от него научных способов манипулирования поведением людей. Социолог может даже не подозревать, пишет Миллс, что он превращается в просвещенного деспота. «Американский солдат» С. Стауффера — прекрасный образец того, как социолог помогает армейскому командованию контролировать действия рядовых помимо их воли. «Для бюрократа мир — это мир фактов, которые должны быть проинтерпретированы в соответствии с жесткими правилами. Для теоретика мир — это мир понятий, которыми можно манипулировать без определенных правил. Теория различными путями служит идеологическому оправданию власти. Исследование, предпринятое ради бюрократических целей, направлено на то, чтобы сделать власть более эффективной и продуктивной, оно обеспечивает планировщиков научной информацией» [7, p. 117].

«Абстрактный эмпиризм» используется скорее бюрократически, нежели идеологически. Напротив, «большая теория» не имеет непосредственного бюрократического применения. Она обладает идеологическим значением.

Большая теория

Она представляет собой другую крайность социологии. Если «абстрактный эмпиризм» фетишизирует метод, то «большая теория» фетишизирует понятие. Фетишизация понятий выражается в построении крайне усложненных теоретических текстов. Этим всегда грешили сочинения гранда американской социологии Т. Парсонса. Его первую работу «Структура социального действия» (1937) П. Сорокин назвал «817-ю засушенными страницами». Критики указывали на то, что книга написана абстрактным языком и очень трудна для неподготовленного читателя, в ней немало повторов, неясных терминов и двусмысленностей.

Приговор, вынесенный второй книге Т. Парсонса «Социальная система» (1951), был не менее суров: она на 50% состоит из пустой болтовни, на 40% — из тривиальностей, известных по учебникам социологии, на 10% — из эмпирически неподтверждаемых идеологических утверждений [7, p. 49]. В качестве доказательства Р. Миллс намеревался изложить содержание 550 страниц книги Парсонса на 150 страницах обычным, доступным языком. К сожалению, Миллс не осуществил целиком свой замысел. Тем не менее, в книге «Социологическое воображение» он попробовал изложить несколько страниц запутанного парсоновского текста буквально несколькими фразами типа: «Люди действуют друг с другом и друг против друга. Каждый учитывает при этом, что другой от него ожидает» [7, p. 31]. А вот как писал об этом Парсонс: «Роль есть часть общей ориентационной системы индивидуальных акторов, которая организована по поводу ожиданий в отношении к конкретному контексту интеракции, интегрированному с конкретным набором ценностей-стандартов, которые управляют интеракцией одного или более изменений в соответствии с дополнительными ролями» [Цит. по: 7, p. 30]. Миллс приводит в своей книге и другие фрагменты из Парсонса, и везде тот предстает неисправимым схоластом и любителем эзотерических текстов. Написанная таким языком «большая теория» не только непонятна читателю, она фактически непригодна для эмпирических исследований. Видимо, эту слабость первым почувствовал ученик Парсонса Р. Мертон, предложивший промежуточное звено — теорию среднего уровня. Если Миллс, образно говоря, стремился потопить теорию Парсонса, то Мертон пытался ее спасти.

«Большая теория», как и «абстрактный эмпиризм», выполняет идеологический заказ общества, но эмпирики это делают одним способом, а теоретики — другим. Рассмотрим, предлагает Миллс, некоторые ключевые понятия социологии, введенные теоретиками. Вот понятие «культурный лаг», которое лишь на первый взгляд нейтрально и объективно. В действительности оно отражает позицию так называемых групп интересов и лиц, принимающих в обществе важные решения. Точно также идеологически нагружено понятие прогресса. Многие представители старшего поколения академических ученых — выходцы из среднего класса, которые в конце XIX — начале XX века вместе со своим классом совершили быстрое восхождение. «Понятие прогресса поэтому близко по духу тем, кто поднимается по лестнице доходов и позиций» [7, p. 89].

Другие социологические понятия маскируются под биологические метафоры. Таковы «адаптация», «выживание», «существование» и «приспособление». На самом деле это социальные понятия. Приспособление описывает вживание эмигрантов в новую культуру, нормы которой задает все тот же средний класс. По сути, биологические термины, ис-

пользуемые в социологии, описывают процесс принятия всеми слоями общества ценностей только одного, вполне определенного класса. Еще более идеологизирован термин «социализация», который выражает морально-нравственное приспособление к господствующим в американском обществе ценностям — престижу, успеху, конформизму, респектабельности.

Вот другой пример. Концептуальный аппарат, появившийся в индустриальной социологии после Хоторнского эксперимента, вопреки ожиданиям его авторов, выражал определенные идеологические призывы и цели. Основные лозунги доктрины «человеческих отношений» — «Счастливый рабочий есть производительный рабочий» и «Удовлетворенность трудом и улучшение морали — основная забота менеджеров» — крайне субъективны. Они отражают наступление эры либерализации управления и произошедшее в связи с этим изменение в умах менеджеров. Цель «школы Мэйо» — урегулировать классовый конфликт, гуманизировать отношения господства и подчинения, смягчить отчуждение труда, считает Р. Миллс. Мэйо стремится лишь выпустить «пар из котла», разрядить социальное напряжение, создать удобное для менеджеров средство манипуляции поведением [7, p. 94].

Социологическая классика

Крайностям «абстрактного эмпиризма» и теоретической схоластики Р. Миллс противопоставил конструктивную программу возрождения социологии. «Моя концепция противопоставит социальной науке как совокупности бюрократических приемов, которые сдерживают социальный поиск, навязывая ему свои методические претензии, благодаря чему научная деятельность перенасыщается обскурантистскими понятиями либо сводится к тривиальностям вследствие того, что социологи уходят от решения социальных проблем, ограничиваясь частными вопросами. Ограничение, обскурантизм, тривиальность обуславливают кризис социальных исследований» [7, p. 20].

Каков же выход из кризиса? Миллс видит его в возвращении к классикам. В трудах Конта, Маркса, Спенсера и Вебера социология приобрела энциклопедический охват: она объясняет социальную жизнь человека в ее целостности. Это означает историчность и систематичность рассмотрения: историчность потому, что вовлекаются огромные пласты прошлого; систематичность потому, что изучаются все стадии и закономерности исторического развития [7, p. 22]. Социальный аналитик классического толка избегает жесткого набора процедур, он использует в своей работе социологическое воображение. Оно подсказывает ему, что вводить новые понятия в оборот следует не тогда, когда не хватает слов, а когда есть уверенность, что новые понятия углубляют мышление, анализ, аргументацию. Метод отступает на второй план перед содержанием. «Классик», как интеллектуальный ремесленник, не сковывает себя методом. «Метод нужен для постановки вопросов и получения ответов с некоторой гарантией того, что ответы достаточно верны. Теория нужна для привлечения внимания к используемым словам, особенно к обобщающей способности и логичности. Основная цель метода и теории — прояснить концепцию и уменьшить число процедур, развивая, а не сдерживая социологическое воображение» [7, p. 120].

Образ интеллектуального ремесленника у Миллса не случаен. Он неоднократно сравнивает современного социолога с человеком, выполняющим рутинную работу. Социолог подобен рабочему у конвейера: и тот и другой выполняют чужое задание, и тому и другому методы, содержание и темп работы навязаны извне. В условиях поточной, массовой социологии ученый неизбежно превращается в робота, у которого все стандартизировано, он сам себе не хозяин. Но Вебера или Маркса нельзя уподобить наемному работнику. Эти гиганты мысли были сами себе хозяевами, они все решали сами. И поэтому они были «сами себе методологами».

Р. Миллса часто неверно толкуют, считая его лозунг «Каждый сам себе методолог!» доказательством ненужности научной методологии вообще [8, с. 189]. В действительности же Миллс хотел сказать иное: «Каждый работающий социальный ученый должен быть собственным методологом и собственным теоретиком в том смысле, что он должен быть интеллектуальным ремесленником» [7, p. 121]. Слово «ремесленник», считает Р. Миллс, должно звучать гордо. Ремесленник сам себе хозяин, он изготавливает продукт от начала до конца, не пользуется чужими шаблонами, а творит свое, заимствуя у других только самое лучшее. «Каждый ремесленник, конечно, может кое-чему научиться в ходе бесконечных попыток кодифицировать методы, но часто это не больше, чем некоторая общая форма осознания... Мастерски овладеть "методом" и "теорией" означает стать сознательным

мыслителем, знающим, что и зачем он делает... Без осмысления способов, каким осуществляется мастерство, результаты исследования окажутся нестрогими; без определения тех результатов, к каким должно привести исследование, метод останется бесполезной претензией» [7, р. 121].

Для социологов-классиков теория и метод неразрывно связаны. Нечто можно назвать Методом не вообще, а относительно некоторой проблемы. Нечто можно назвать теорией не вообще, а относительно определенного круга явлений. Теория и метод уподобляются языку той страны, в которой каждый из нас живет. «Вы не можете похвалиться, что умеете разговаривать на этом языке; но вам будет стыдно и вы станете испытывать неудобства, если окажется, что не умеете говорить на нем», — пишет Миллс.

У классиков социологии понятие — это идея, нагруженная эмпирическим содержанием. Если идея перевешивает свое содержание, больше его, то мы попадаем в западню «большой теории», напротив, если содержание перевешивает идею, то мы впадаем в крайности «абстрактного эмпиризма» [7, р. 124]. Эмпирики захлебываются в фактах, теоретики задыхаются в абстракциях. «Большинство классических работ (в этом смысле иногда называемых макроскопическими) лежит между абстрактным эмпиризмом и большой теорией» [7, р. 124]. Классики не игнорируют проблемы повседневной жизни, напротив, оттапливаются в своем анализе именно от них, но обязательно связывают их с социальными и историческими структурами. Часто они не кодифицируют повседневные проблемы, не выстраивают их в статистические закономерности и не обезличивают при помощи коэффициентов и математических формул, как это делают современные эмпирики. Они сохраняют их первозданность, целостность, адресность. Так поступали с описываемыми событиями Вебер, Маркс, Дюркгейм.

Каждое событие уникально и в то же время типично. Но это не значит, что труды классиков неэмпиричны; они не менее эмпиричны, заявляет Миллс, чем исследования абстрактных эмпириков, а часто и более эмпиричны. Работы Ф. Неймана о социальной структуре нацистской Германии не менее эмпиричны, чем изучение морального климата в армии С. Стауффера. Работы М. Вебера о китайской бюрократии и Б. Мура о Советской России не менее эмпиричны, нежели «эмпирические» исследования П. Лазарсфельда, проведенные в городке Элмира [7, р. 125]. Можно расширить список, включив в него книгу «Властвующая элита» Р. Миллса, значительная часть которой посвящена описанию персональных характеристик, социального происхождения и моральных качеств трех поколений миллиардеров. Хотя в заключение автор приводит статистические распределения, основанием для главных теоретических выводов книги послужили все-таки не они, а результаты «биографического» метода.

Современная социология занята не тем, *что* верифицируется, а тем, *как* верифицируется. «Как-верификации» подчинены и «абстрактный эмпиризм», склонный к индуктивной верификации, и «большая теория», предпочитающая дедуктивную верификацию. Напротив, классическая социология на первый план выдвигает «что-верификацию». Поскольку идеи «классики» разрабатывают в тесной связи с проблемой, выбор того, что верифицировать, подчиняется строгому правилу: пытайся верифицировать те черты разрабатываемой идеи, которые, как кажется, больше всего относятся к делу (являются релевантными). Эти черты называются стержневыми.

Характеризуя стиль работы Вебера, Маркса, Дюркгейма, Р. Миллс писал: «Обычно классики не составляли одной большой программы для одного большого эмпирического исследования. Они придерживались той точки зрения, что между макроскопическими понятиями и конкретными утверждениями существует постоянная обратная связь по типу челнока. Достигалось это благодаря конструированию серии маломасштабных эмпирических исследований (которые, конечно же, могли включать в себя микроскопические или статистические работы), каждое из них могло оказаться стержневым для той или иной части задачи, которую ставил перед собой ученый» [7, р. 126]. В этом смысле «абстрактный эмпиризм» и «большая теория» — только паразиты на теле классической традиции [7, р. 125]. Она не впадает в крайности, индукция и дедукция в ней не разведены, а присутствуют в каждом действии аналитика. Формулировка и переформулировка проблемы происходят постоянно.

Отличие классической традиции и современных подходов в социологии начинается с постановки проблемы. Классики формулируют проблему таким образом, что в каждом утверждении содержится связь общественных проблем и личных забот (частных вопросов).

Заботы и проблемы

Эти термины являются ключевыми не только в книге «Социологическое воображение», но и во всем творчестве Райта Миллса. Они популярны и в современной социологии. Кажется, без них не может обойтись ни один американский учебник. Студентам предлагается упражнение, где надо связать воедино факты личной биографии и исторические события, сказавшиеся на развитии страны и затронувшие данных индивидов.

Суть новаторской методологии Р. Миллса, названной им «социологическим воображением», состоит именно в этом. Заботы (troubles) — частные проблемы, составляющие содержание повседневной жизни отдельного человека, осознаваемые им и поддающиеся контролю. Таковы факты личной биографии. Проблемы (issues) носят общественный характер и не подвластны индивидуальному контролю, но так или иначе влияют на повседневную жизнь данного человека. Они затрагивают социальную структуру и институты общества. Это могут быть циклы деловой активности и экономические кризисы, смена правительства, университетская политика, войны, безработица и т.д.

Когда в городе со стотысячным населением только один безработный, это его личное затруднение, связанное с потерей средств существования и с психологическими переживаниями. Но если в стране, где 50 млн. жителей, 5 млн. безработных, то речь идет о социальной проблеме, к обсуждению которой необходимо привлечь внимание обществу. Причиной могут быть нарушения или неполадки в институтах образования, занятости, производства, следствием — резкое изменение психологического климата в обществе.

То же самое касается и войны. Если стоит вопрос о том, как выжить на войне, как сделать на этом карьере, куда вложить деньги, чтобы превратить войну в прибыльный бизнес, надо говорить о личных вопросах. Но сама по себе война как форма массового действия, затрагивающая судьбы многих людей, является социальной проблемой. Наконец, в семье конфликт между супругами — это их личная забота, но когда уровень разводов в первые четыре года брака превышает 250 на 1 тыс., — это показатель структурных сдвигов в обществе [7, р. 8—9].

Чтобы малое понимать в тесной связи с большим, надо развивать социологическое воображение. Оно позволяет увидеть, что социальная сцена общества заполнена живыми людьми с их каждодневными заботами и тревогами. Системами координат социального анализа, который присущ классикам социологии, обладавшим, согласно Миллсу, богатым воображением, служат человеческие заботы и социальные проблемы, т.е. микро- и макрособытия. Такова исходная точка отсчета социолога. Современные социологи пытаются заменить их абстрактными статистическими величинами. «Социальная наука должна касаться проблем биографии и истории, а также их пересечения внутри социальной структуры. Три момента — биография, история, общество — служат точками отсчета изучения человека» [7, р. 143].

Философия «социологического воображения» не сводит индивида к совокупности биологических или неповторимо личностных черт. Человек — социальный тип, которого можно адекватно понять, только пропустив его биографию через призму социальных институтов и социальной структуры. Человек рождается в организации, растет в семье, обучается в школе и университете, работает на предприятии. Вся его жизнь состоит из череды социальных ролей, выполняемых им в конкретных институтах [7, р. 161]. Смена ролей — это одновременно и смена уровней зрелости личности. В исследовательском замысле социолога индивидуальная биография превращается в социальную.

Первым перевел индивидуальную биографию в термины биографии социальной Макс Вебер. Он использовал понятия социальной структуры, религиозных и экономических институтов для того, чтобы рассмотреть их влияние на судьбы людей в конкретную историческую эпоху. В одну эпоху действовали одни институты и структуры, в другую эпоху — другие. Они формировали непохожие социальные типы. Вот почему книга Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» может рассказать о типичном пуританине капиталистической эпохи даже больше, чем тот мог бы рассказать о себе сам. Если мы попробуем связать социальные и исторические события на базе не социологической, а психологической теории, рассматривающей общество как совокупность индивидуальных атомов, никакого углубления в проблему, считает Р. Миллс, не получим.

Социологическое воображение — особый угол зрения, методологический инструмент, прием социального ученого. В его основе лежит идея о том, что индивид может осмыслить

жизненный опыт и «масштаб» своей судьбы, только поместив себя в рамки своего времени и своего общества; он может оценить жизненные шансы, только соотнеся собственное положение с положением тех, кто находится в сходных обстоятельствах. Индивидуальную судьбу творит история, которая складывается из миллионов личных биографий.

Великих классиков социологии — Г. Спенсера, О. Конта, Э. Росса, Э. Дюркгейма, К. Маннгейма, К. Маркса, Т. Веблена, Й. Шумпетера, М. Вебера — отличала способность воспринимать личность в контексте общества. Способность, во многом утерянная нынешними американскими социологами, считает Р. Миллс. Классики определяют идеал и нормы социологического анализа, который решает три группы взаимосвязанных вопросов. Социолог должен ответить: а) какова структура данного общества (из каких компонентов она состоит, как они взаимосвязаны, какое конкретное влияние оказывают)?; б) какое место занимает это общество в человеческой истории?; в) какие типы мужчин и женщин преобладают в данном обществе и в данный исторический период?

Таковы вопросы, которые обязательно задает себе ученый, обладающий социологическим воображением. Он легко оперирует любой социологической перспективой, проводит сравнительные исследования, умело связывает, скажем, развитие нефтяной индустрии и современной поэзии, семейный доход с мировым бюджетом [7, р. 7]. Социологическое воображение, как научный прием, лучше всего соответствует самосознанию современного человека: последний стремится понять свою роль в социальном целом, связав биографию и историю. Культурное значение социальной науки состоит в том, что ее цели и методы органичны целям и методам мышления человека: они ценностно нагружены.

Общество в большей мере характеризует не то, какова его социальная структура, а то, какие индивидуальные проблемы его членов становятся социально значимыми, говорит Р. Миллс. Общество, которое волнуют не детский труд и высокая детская смертность, а детские комиксы и организация увеселительного досуга, совсем не похоже на общество, в котором общественными проблемами являются недоедание детей и юношеская преступность.

В публикуемом ниже фрагменте из книги «Социологическое воображение» Р. Миллс касается конкретных проблем становления профессионального мастерства социолога. Он обращается к студентам и начинающим ученым, делаясь с ними секретами своей творческой лаборатории. Мало кто из выдающихся социологов рассказывал о своем опыте, давал советы и наставления. В этом смысле мы имеем дело с поистине уникальным историческим документом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голосенка И.Л.* В поисках новых путей // *Вопр. философии.* 1966. № 6; *Новиков Н.В.* Социальное содержание современного левого радикализма в США. М.: Мысль, 1970; *Модржинская Е.Д.* Прогрессивное явление в современной американской социологии // *Вопр. философия.* 1963. № 4; *Цыпник Л.А.* Современная буржуазная социология и ее критика Р. Миллсом // *Марксистская и буржуазная социология.* М.: Наука, 1964.
2. *Советская социология глазами зарубежных ученых* // *Социол. исслед.* 1992. № 5. С. 66.
3. *Коровин В.Ф.* Основные проблемы «новой социологии» Райта Миллса. М.: Изд-во МГУ, 1977.
4. *Horowitz I. C.* Wright Mills's «White collar». A crit. comment N.Y., 1967; *Aptheker H.* The world of C Wright Mills. N.Y., 1960; *Cassano F.* Autocritica della sociologia contemporanea. Ban: De Donate 1971; *Eldridge J.E.T.* C Wright Mills. L.—N.Y., 1983.
5. *Mills C.W.* The causes of world war three. N.Y., 1958; *Mills C.W.* The marxists. N.Y., 1963; *Mills C.W.* The power elite. N.Y., 1956; *Mills C.W.* Sociology and pragmatism: the higher learning in America. N.Y., 1964; *Mills C.W.* White collar. The american middle classes. N.Y., 1951.
6. *The New Sociology. Essays in honor of C.W. Mills.* N.Y., 1965.
7. *Mills C.W.* The sociological imagination. N.Y., 1959.
8. *Современная западная социология. Словарь.* М.: Политиздат, 1990.